

УДК 141.319:2-1(091)(476.5)

СТАТУС ИДЕЙ ПОЛОЦКОЙ НЕОСХОЛАСТИКИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

А. И. Климович,

кандидат философских наук,
доцент кафедры педагогики
и психологии БГМУ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5555-1190>

Поступила в редакцию 29.04.2024.

UDC 141.319:2-1(091)(476.5)

THE ROLE AND PLACE OF THE POLOTSK NEO-SCHOLASTICISM IN THE ENLIGHTENMENT MOVE-MENT

A. Klimovich,

PhD in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Pedagogy
and Psychology of BSMU

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5555-1190>

Received on 29.04.2024.

Автор рассматривает вопрос соотношения интеллектуальных процессов Просвещения на белорусских землях и программных установок полоцкой неосхоластики. Исследование построено на основании философских курсов знаковых фигур Полоцкой иезуитской академии – Джузеппе Анджолини и Винченция Бучиньского, а также ряда публикаций других представителей академии в журнале «Полоцкий ежемесячник». Актуальность статьи определяется отсутствием специальных исследований по обозначенной проблематике. Целью статьи является установление специфики корреляции комплекса идей полоцкой неосхоластики и основополагающих элементов философии Просвещения. Для достижения цели использовались общенаучные и специально-философские методы: анализ, синтез, историко-философский метод, метод контент-анализа. В статье поставлен вопрос возможности существования религиозного типа Просвещения на примерах шотландского и итальянского Просвещения, определена их взаимосвязь с идеями полоцкой неосхоластики. Автор показывает, каким образом и почему полоцкая неосхоластика может быть отнесена к религиозному типу философии Просвещения. Отдельное внимание уделяется вопросу отношения полоцких авторов к радикально-политическому варианту Просвещения, представителям крайнего сциентизма и скептицизма.

Ключевые слова: философия Просвещения, полоцкая неосхоластика, Полоцкая иезуитская академия, религиозная философия, Дж. Анджолини, В. Бучиньский.

The author examines in the article the question of the relationship between the intellectual processes of the Enlightenment in the Belarusian lands and the programmatic guidelines of Polotsk Neo-Scholasticism. The research is based on the philosophical courses of Polotsk Jesuit Academy's iconic figures - Giuseppe Angiolini and Vincent V. Buczyński, as well as a number of publications by other representatives of the academy in the journal "Miesięcznik Połocki". The relevance of the article is determined by the lack of special research on the identified issues. The aim of the article is to establish the specifics of the correlation the ideological complex Polotsk Neo-Scholasticism and the fundamental elements of the Enlightenment philosophy. To achieve the goal, general scientific and special philosophical methods were used: analysis, synthesis, historical and philosophical method, content analysis method. The article considers the potential for a religious form of Enlightenment philosophy through the lens of Scottish and Italian Enlightenment, and examining their connection to Polotsk Neo-Scholasticism. The author reveals the religious roots of Polotsk Neo-Scholasticism and its strong correlation with the key philosophical components of the Enlightenment movement. A significant focus of the article is dedicated to examining the perspective of Polotsk authors towards the radical political ideas of the Enlightenment, advocates of extreme scientism, and skepticism.

Keywords: philosophy of the Enlightenment, Polotsk Neo-Scholasticism, Polotsk Jesuit Academy, religious philosophy, G. Angiolini, V. Buczyński.

Введение. Полоцкая неосхоластика – комплекс философских идей, развивавшихся представителями Полоцкой иезуитской академии. Обозначенная интеллектуальная традиция является еще не до конца осмысленным феноменом в рамках истории философской и социально-политической мысли Беларуси. Долгое время рассматриваемая лишь как пережиток Средневековья, полоцкая неосхоластика оставалась недооцененной и часто трактовалась исследователями упрощенно, представляемая в качестве варианта «обскурантизма».

Соответственно, в рамках такой трактовки она не могла выступать объектом специальных исследований, по сути получив статус маргинальной в сравнении с философией романтизма или революционными веяниями французского варианта Просвещения.

Данное упущение приводит к искажению проблемного поля философской мысли Беларуси XIX века и, как следствие, влияет на всю трактовку истории Беларуси, ведя к ее неправильному пониманию. Таким образом, тема исследования специфики полоцкой неосхоласти-

ки является достаточно актуальной. В рамках статьи представлен лишь один из аспектов исследования данной традиции: ее соотношение с философией Просвещения. Вопрос является достаточно значимым, учитывая, что долгое время сама философия полоцкой неосхоластики противопоставлялась Просвещению, равно как Полоцкая иезуитская академия противопоставлялась Виленскому императорскому университету [1]. Соответственно, целью статьи является установление специфики корреляции философии полоцкой неосхоластики и философии эпохи Просвещения.

Основная часть. Понятие полоцкой неосхоластики было введено в научный оборот В. Шалькевичем, высказавшим гипотезу о существовании специфического типа религиозной философии в философском ландшафте Полоччины в первой четверти XIX века, интеллектуальным центром которой являлась Полоцкая иезуитская академия [2, с. 10]. Автор данного исследования также исходит из положения о наличии такого рода философской традиции на полоцких землях, что подтверждается в процессе знакомства с философскими курсами профессоров Полоцкой иезуитской академии [3–6]. Их общей чертой является обращение к философским идеям Фомы Аквинского, реализованным в варианте томизма в логике и метафизике. При этом специальные исследования, рассматривающие вопрос соотношения программных установок идейной составляющей полоцкой неосхоластики и философии Просвещения, отсутствуют как в белорусской истории философии, так и зарубежных источниках. Одновременно следует отметить, что сам феномен Просвещения в истории идей Беларуси также остается еще не полностью осмысленным и систематизированным, таким образом, данное исследование вносит свой вклад в определение специфичности проблемного поля Просвещения и связанных с ним интеллектуальных вызовов в истории философской и социально-политической мысли Беларуси.

Сам термин «просвещение» в истории философии имеет достаточно большое количество трактовок, как правило, он осмысливался через призму преодоления феодальных средневековых структур, формирование обновленного типа личности, противопоставляющего себя предыдущим поколениям, формирование нового типа культуры, ориентированного на научный прогресс и антропоцентризм, отрицание метафизической догматичности как черты предыдущего стиля философствования, равно как и склонность к революционным построениям в социальной и политической мысли [7, с. 24].

Первоначально определяющими характеристиками Просвещения в исследованиях были позитивизм, уже упомянутый сциентизм и революционный контекст. Лишь в более поздних версиях акценты перемещаются на вопрос аксиологической составляющей этого течения. Но возможность существования религиозного типа Просвещения в большей степени оставалась вне поля исследователей. Означает ли это, что Просвещение не может быть религиозным?

В истории философии представлены по меньшей мере два типа Просвещения, фундаментализированные религиозными установками, – это итальянское Просвещение и шотландское Просвещение. Для итальянского варианта Просвещения характерными чертами были отсутствие таких направлений, как радикализм, свойственный французскому Просвещению с его материализмом и атеизмом, отрицание британского деизма а также наличие дискуссии о религии как центральной проблемы [8, р. 749].

Шотландское Просвещение более известно как школа здравого смысла, основополагающими ее чертами были противодействие распространяемому благодаря работам Юма и Беркли скептицизму, а также попытка восстановления утраченного авторитета Откровения через реконструкцию союза религии и философии.

Обращает на себя внимание тот факт, что представители полоцкой неосхоластики фундаментализировали собственную рефлексивность как идеями итальянского, так и шотландского вариантов Просвещения. Связи полоцкой неосхоластики и итальянского Просвещения еще не исследованы в полной мере, но ответ на вопрос об их существовании положителен. Как свидетельство этому выступает, во-первых, творческая деятельность полоцкого иезуита итальянского происхождения Джузеппе Анджелини, а во-вторых, использование в работах полоцких авторов идей известного представителя итальянского Просвещения – Антонио Дженовези. В частности, высоко отзывается о его трудах В. Бучиньский [4, р. 24].

С шотландским вариантом Просвещения авторов роднит подход к проблеме предустановленных истин. В. Бучиньский в контексте исследования проблемы сущности истины отмечает необходимость наличия первоначальных недоказуемых истин, «в противном случае перед философом стоял бы бесконечный ряд доказательств, требующих новых посылок, свидетельств, разум, постоянно занятый поиском, не смог бы отвлечься ни на секунду, не получив при этом даже одного законченного доказательства» [4, р. 102], также полоцкий ав-

тор в контексте этой проблемы знакомит студентов в своем курсе философии со знаковым, по его мнению, спором между представителем шотландского Просвещения Т. Ридом и Декартом [4, р. 134].

Подобные взгляды свойственны и Дж. Анджолини, в «Философских наставлениях» объясняющему студентам возможность существования общего чувства, имеющего место быть до любого доказательства: «У всех людей есть общее чувство огромной важности по отношению к внешним объектам: в истинности этих объектов мы полностью убеждены еще до того, как получили какое-либо доказательство» [3, р. 98]. В качестве фундамента этого чувства автор перечисляет следующие принципы: принцип универсальности – такого рода суждения встречаются повсеместно и на протяжении практически всей истории человечества; принцип врожденности – такого рода суждения формируются автоматически и одновременно для любого человека на Земле и также поэтому, как показывает история человечества, являются правильными, в противном случае свидетельства о них не сохранились. Одновременно Дж. Анджолини встает на защиту шотландской школы здравого рассудка от критики Канта» [3, р. 101, 104]. Таким образом, очевидна некоторая схожесть идей итальянского и шотландского Просвещения и полоцкой неосхоластики.

Следует упомянуть, что имеется ряд исследователей, отрицающих возможность существования религиозного типа Просвещения, в том числе и в историко-культурном пространстве Беларуси. Так, например, польский исследователь М. Дешчинская, занимающаяся проблемами рецепции идей Просвещения в философской мысли времен Речи Посполитой, в работе «Польское контр-Просвещение» отмечает, что идеи европейского Просвещения встретили сопротивление в религиозных кругах бывшей Речи Посполитой, сформировав так называемую идеологию контр-Просвещения [9, с. 13]. Не включают в парадигму Просвещения идеи представителей Полоцкой иезуитской академии и некоторые белорусские исследователи, рассматривая их деятельность лишь как активизацию «старой схоластики» [10, с. 72].

Между тем философия полоцкой неосхоластики логично укладывается в периодизацию белорусского Просвещения, предложенную Э. К. Дорошевичем, где последним его этапом – этапом «Кризиса и Ренессанса» – выступает деятельность мыслителей первой трети XIX века, основополагающими чертами которой были ориентация на гносеологизм, психологизм и борьбу с кантианством [11, с. 198].

В частности, обращение к Канту с целью критики характерно как для Дж. Анджолини [12], так и В. Бучиньского [13, с. 60–66]. Присущ авторам и упомянутый Э. Дорошевичем гносеологизм, который будет рассмотрен ниже.

Истоком такой спорной позиции в отношении наследия полоцких мыслителей в отечественной истории философии, по нашему мнению, является отрицательная оценка известного автора XIX века П. Хмелевского, упоминавшего, что работы полоцких авторов были направлены против Вольтера, Спинозы и Руссо, а также описавшего конфликт Полоцкой иезуитской академии и Виленского университета, явно при этом встав на сторону последнего [1, с. 38–40].

Чтобы определить, насколько соответствовали программные установки полоцкой неосхоластики духу Просвещения, достаточно обратиться к основополагающим критериям этого движения в истории философии Беларуси. Рассматривая специфику Просвещения в историко-культурном пространстве Беларуси, исследователи выделяют три основополагающие характеристики этого явления в рамках очерченного региона. В частности, на них опирается известный зарубежный исследователь Просвещения М. Григанец: во-первых, это эмпиризм, философы-просветители высоко оценивали ощущение как источник знания, во-вторых, центральное положение естественных наук в системе знания и образования, в-третьих, практическая направленность изучаемых академических дисциплин [14, с. 134].

Отдельно следует отметить такую черту, как общекультурная направленность деятелей Просвещения: каждый из них соединял в себе множество талантов и был успешным в различных сферах деятельности [7, с. 44].

Поскольку последняя характеристика лишь косвенно свидетельствует об отношении тех или иных деятелей к философии Просвещения, в статье приведено только несколько примеров биографий представителей Полоцкой иезуитской академии, творческая деятельность которых соответствует данному критерию. Так, Ф. К. Стаховский был философом и теологом, но более известен как переводчик, также его по праву можно назвать одним из первопроходцев в области философии педагогики. Ю. Морелевский сочетал в себе преподавательский и стихотворный таланты.

Что касается первой из обозначенных черт философии Просвещения – эмпиризма, то следует отметить, что ощущения как определенная ступень в познании высоко оценивались полоцкими авторами. У Дж. Анджолини ощущение является одним из элементов так называемой метафизической истины, высту-

пая в качестве фундамента «вещественного доказательства» [3, с. 77]. В. Бучинский, рассматривает возможность ощущения как познавательную способность, отмечает, что «чувствительность души – пассивное ее свойство, сила которого способна из-за объектов, на нее воздействующих, заставить ее волноваться. Все объекты, которые на наши чувства воздействовать могут, разделяются на два класса: к первому принадлежат телесные, ко второму – различные модификации и собственно сами душевные производные» [4, с. 6].

Научное знание также занимает достаточно важное место в ценностной системе полоцких авторов. Но при этом, как показывает анализ источников, представителям полоцкой схоластики удалось избежать крайних проявлений сциентизма, характерных для того же французского Просвещения. Примером может служить размышление о роли науки одного из авторов журнала «Полоцкий ежемесячник» о научном познании: «Науки – это огромное море, и кто сможет измерить его обширное пространство определенными правилами? Науки – это лабиринт с тысячами изгибов и поворотов, и кто сможет описать все его пути? Науки – это та амброзия, то есть пища богов, знаменитая у древних, и она содержит в воздухе столько странных ароматов, и кто сможет распознать их между собой и отличить одни от других, менее совершенных, по ясным правилам? Только примеры способны сколько-нибудь охватить это море и создать представление о нем, только примеры могут послужить нитью Ариадны в этом лабиринте и вывести познающего из него без всяких ошибок, и, наконец, одни примеры делают вкус приятнее в изучении сладости науки, но другие могут его преувеличить или заставить выучить ложное» [15, с. 9]

Практическая направленность философии, как еще одна черта Просвещения, проявляется в творчестве полоцких авторов в контексте дискуссии о единстве познавательного и этического аспектов. Так, например, В. Бучинский следующим образом определяет природу и цель человеческого общества: «Итак, принимая во внимание этот естественный порядок

и цель, справедливость, взаимную любовь между людьми, желание делать добро другим, помогать нуждающимся и т. п. – это в сущности действия, подтверждающие естественный порядок и цель человеческого общества и так необходимые для сохранения и защиты человеческого общества, без которых оно не могло бы существовать» [6, с. 27]. Каким же образом можно достичь этого естественного порядка, основанного на справедливости? Именно этому, по мысли В. Бучинского, и должна служить философия, главной целью которой есть первоначально достижение индивидуального счастья, а затем и общественного блага [16, р. II].

Отдельно следует упомянуть, что благодаря приведенному выше мнению П. Хмельёвского, творчество представителей Полоцкой иезуитской академии рассматривалось как один из вариантов противостояния французскому Просвещению в лице Вольтера, Руссо. В реальности основными идейными противниками полоцких иезуитов выступали Кант, Юм, Беркли [5, с. 37] как основные проводники скептицизма. О французских же мыслителях полоцкие авторы отзывались достаточно сдержанно. Например, Ж. Л. Розавен отмечает, что Ж.-Ж. Руссо никогда не хотел выступать против ордена иезуитов и его философии [17, р. 81]. В большей степени винить в разрыве союза философии и религии автор склонен английских авторов, представителей скептицизма Юма и Беркли [17, р. 15, 51].

Заключение. Полоцкая неосхоластика предстает в процессе исследования не попыткой активации старой схоластики, а характерным для белорусского историко-культурного пространства поздним типом Просвещения, имеющим в себе специфику, связанную с религиозными программными установками и, соответственно, специфически преломляемыми через эти установки основополагающими концептами философии Просвещения, помогающими избежать радикализма в суждениях. Полученные выводы, в свою очередь, указывают на необходимость ревизии философии Просвещения в белорусской истории философской и социальной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chmielowski, P. Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi (1815–1823) / P. Chmielowski. – Warszawa : Drukarnia Artystyczna Saturnina Sikorskiego, 1898. – 160 s.
2. Шалькевич, В. Ф. Общественно-политическая и философская мысль Беларуси в первой половине XIX века / В. Ф. Шалькевич. – Минск : БГУ, 1993. – 66 с.
3. Angiolini, G. Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis / G. Angiolini. – Polock : Typis Academicis, 1819. – 310 p.

REFERENCES

1. Chmielowski, P. Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi (1815–1823) / P. Chmielowski. – Warszawa : Drukarnia Artystyczna Saturnina Sikorskiego, 1898. – 160 s.
2. Shal'kevich, V. F. Obshchestvenno-politicheskaya i filozofskaya mysl' Belarusi v pervoj polovine XIX veka / V. F. Shal'kevich. – Minsk : BGU, 1993. – 66 s.
3. Angiolini, G. Institutiones philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis / G. Angiolini. – Polock : Typis Academicis, 1819. – 310 p.

4. *Buczyński, V. Institutiones philosophicae, pars prima continens logicam cum praevia in universam philosophiam intruditione / V. Buczyński. – Viennae, 1843. – 159 p.*
5. *Buczyński, V. Institutiones philosophicae, pars secunda continens metaphisicam / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 302 p.*
6. *Buczyński, V. Institutiones philosophicae, pars tertia continens metaphisicam / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 206 p.*
7. *Пустарнаков, В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа / В. Ф. Пустарнаков. – М., 2002. – 341 с.*
8. *Cremaschi, S. The Italian Enlightenment and the Rehabilitation of Moral and Political Philosophy / S. Cremaschi // The European Legacy: Toward New Paradigms. – 2020. – № 7–8. – P. 743–759.*
9. *Deszczyńska, M. Polskie kontroświecenie / M. Deszczyńska. – Bel Studio Sp. z o.o., 2011. – 338 s.*
10. *Бабкоў, І. Філасофія Яна Снядэцкага / І. Бабкоў. – Мінск-Вільня : Фрагмэнты, І. Логвінаў, 2002. – 136 с.*
11. *Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.). – Минск : Наука и техника, 1973. – 556 с.*
12. *Klimovich, A. Angiolini vs Kant: Philosophical Endeavour at the Polotsk Jesuit Academy / A. Klimovich // Kantian Journal. – 2023. – Vol. 42. – № 1. – P. 107–131.*
13. *Румянцева, Т. Г. и др. Кант и Беларусь / Т. Г. Румянцева и др. – Минск : РИВШ, 2024. – 212 с.*
14. *Grygianiec, M. Anioł Dowgird wobec filozofii Kanta / M. Grygianiec // Studia z historii filozofii. – 2014. – № 3. – S. 129–144.*
15. *O krytyce / I.I // Miesięcznik Połocki. – 1820. – № 1. – S. 3–18.*
16. *Buczyński, V. Institutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritatem religionis applicantur / V. Buczyński. – Viennae, 1842. – 300 p.*
17. *Rozaven, J.-L. La vérité défendue et prouvée par les faits, contre les calomnies anciennes et modernes / J.-L. Rozaven. – Połock : Typis Academicis, 1817. – 344 p.*
4. *Buczyński, V. Institutiones philosophicae, pars prima continens logicam cum praevia in universam philosophiam intruditione / V. Buczyński. – Viennae, 1843. – 159 p.*
5. *Buczyński, V. Institutiones philosophicae, pars secunda continens metaphisicam / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 302 p.*
6. *Buczyński, V. Institutiones philosophicae, pars tertia continens metaphisicam / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 206 p.*
7. *Pustarnakov, V. F. Filosofiya Prosveshcheniya v Rossii i vo Francii: opyt sravnitel'nogo analiza / V. F. Pustarnakov. – M., 2002. – 341 s.*
8. *Cremaschi, S. The Italian Enlightenment and the Rehabilitation of Moral and Political Philosophy / S. Cremaschi // The European Legacy: Toward New Paradigms. – 2020. – № 7–8. – P. 743–759.*
9. *Deszczyńska, M. Polskie kontroświecenie / M. Deszczyńska. – Bel Studio Sp. z o.o., 2011. – 338 s.*
10. *Babkoŭ, I. Filasofiya Yana Snyadeckaga / I. Babkoŭ. – Minsk-Vil'nya : Fragmenty, I. Logvinaŭ, 2002. – 136 s.*
11. *Ocherki istorii filofsokoj i sociologicheskoy mysli Belorussii (do 1917 g.). – Minsk : Nauka i tekhnika, 1973. – 556 s.*
12. *Klimovich, A. Angiolini vs Kant: Philosophical Endeavour at the Polotsk Jesuit Academy / A. Klimovich // Kantian Journal. – 2023. – Vol. 42. – № 1. – P. 107–131.*
13. *Rumyanceva, T. G. i dr. Kant i Belarus' / T. G. Rumyanceva i dr. – Minsk : RIVSh, 2024. – 212 s.*
14. *Grygianiec, M. Anioł Dowgird wobec filozofii Kanta / M. Grygianiec // Studia z historii filozofii. – 2014. – № 3. – S. 129–144.*
15. *O krytyce / I.I // Miesięcznik Połocki. – 1820. – № 1. – S. 3–18.*
16. *Buczyński, V. Institutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritatem religionis applicantur / V. Buczyński. – Viennae, 1842. – 300 p.*
17. *Rozaven, J.-L. La vérité défendue et prouvée par les faits, contre les calomnies anciennes et modernes / J.-L. Rozaven. – Połock : Typis Academicis, 1817. – 344 p.*